

силевну въ одномъ изъ писемъ и тутъ же отвѣчаетъ:

„Чтобы онъ могъ презрѣть толки и пересуды, слѣдовалъ тому, что велитъ ему благоуміе и, какъ сказалъ самъ Спаситель, не глядѣлъ на людей. Люди суетны. Нужно въ примѣръ себѣ брать прекрасный, святой образецъ, высшую натуру человека, а не обыкновенныхъ людей“.

Другое условіе, необходимое для успѣшнаго самовоспитанія, Гоголь видѣлъ въ отреченіи отъ вѣшной жизни. Художникъ-христіанинъ, „воспитывающій себя въ глубинѣ души своей для другихъ“, долженъ жить внутреннею жизнью. Что понималъ Гоголь подъ „внутреннюю жизнь“, это прекрасно изложено имъ въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому.

„Внутреннюю жизнь,—писалъ онъ,—и понимаю ту жизнь, когда человекъ уже не живетъ своими впечатлѣніями, когда не идетъ отвѣдывать уже известнаго ему жизни, но когда сквозъ все видитъ одну пристань и берегъ—Бога и во Имя Его стремится и спѣшитъ употребить въ дѣло данный Имъ же ему талантъ, а не зарыть его въ землю, слыша, что не для своихъ удовольствій дана ему жизнь, что строже ей долгъ и что взыщется страшно съ него, если онъ, углубясь во внутрь себя, и спросилъ себя и не узналъ, какія въ немъ сокровища стороны полезныя и нужныя міру и гдѣ его мѣсто, ибо нѣтъ ненужнаго звена въ мірѣ. А вѣшняя жизнь, само-собою, есть противоположность внутренней... Вѣшняя жизнь вѣ Бога, внутренняя жизнь въ Богѣ“.

Что самъ Гоголь былъ готовъ жить этою „внутреннею“ жизнью, граничащею съ подвижничествомъ, доказательству этому разсѣяны по многимъ его письмамъ. Такъ въ письмѣ къ Н. Д. Вѣлозерскому въ 1840 году онъ говоритъ:

„Я больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской“.

Еще опредѣленнѣе выражается онъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову въ 1841 году:

„Я не рожденъ для тревоженій и чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха“.

Три года спустя онъ пишетъ А. О. Смирновой:

„Мнѣ нуженъ былъ душевный монастырь“.

Художникъ-христіанинъ смотритъ на земную жизнь, какъ на приготовленіе къ жизни будущей, жизни вѣчной.

„Мы всѣ здѣсь мимоходомъ и всѣ недолго пробудемъ. Но дѣло въ томъ, что мы здѣсь мимоходомъ не по своему случаю и не для какого-либо пустяка. У Бога нѣтъ пустяковъ. Мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученіе, возложенное на насъ Пославшимъ, безъ чего не можемъ получить ни награды, ни права на будущую жизнь.... Помните вѣчно, что всякая втунѣ потраченная минута здѣсь неумолимо спросится тамъ, и лучше не родиться, чѣмъ поблѣднѣть передъ этимъ страшнымъ упрекомъ“.

Итакъ, по толкованію Гоголя, въ земной жизни каждый изъ насъ долженъ „исполнять порученіе, возложенное на насъ Пославшимъ“. При этомъ мы не должны досадовать на неудачи и приходить въ отчаяніе отъ испытаній.

„Всякій передомъ,—пишетъ Гоголь въ одномъ изъ своихъ писемъ,—посылаемый человеку, чудно благодѣтель. Это лучшее, что только есть въ жизни. Звѣзда и свѣтильникъ, указующій ему, наконецъ, его настоящій путь. Непостижимъ вышній проаволь для человека, и то, что кажется намъ гибелью, есть уже наше спасеніе“.

Свое „порученіе“, возложенное на него Промысломъ, Гоголь видитъ въ призывѣ людей къ Богу, къ Его правдѣ и въ этой увѣренности доходить до пророческаго экстаза.

„Горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Данилевскому отъ 7 августа 1841 года. „О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово. Все можетъ разочаровать, обмануть, измѣнить тебѣ, но не измѣнить мое слово“.

Прокоповичу въ томъ же году онъ пишетъ:

„Имѣй въ меня кашлю вѣры—и живая сила отдѣлится въ твою душу“.

IV.

Гоголь считалъ себя призваннымъ „къ подвигамъ и великому поприщу“ и всю свою жизнь готовился къ нимъ, и всю жизнь считалъ себя еще недостаточно готовымъ для этихъ подвиговъ. Но постоянная упорная работа надъ самовоспитаніемъ не проходила безслѣдно для его души. Въ письмѣ къ Жуковскому (1842 г.) онъ пишетъ, между прочимъ:

„Съ каждымъ днемъ и часомъ становится свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей, что не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра,

что совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣе лютея душевныя мои слезы, и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что Небесная Сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на нижайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще! *Чище горняло сѣла и светлѣе небесъ должна быть душа моя*, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія“.

Работая надъ „воспитаніемъ“ своей души, узнавая ее, писатель получаетъ способность узнавать и душу другаго.

„Идите къ собственной душѣ своей,—пишетъ Гоголь С. П. Шевыреву,—и душа вамъ разкажетъ все. Чѣмъ болѣе углубитесь вы въ свою душу, тѣмъ болѣе будете узнавать душу другаго, такъ что потомъ даже и словъ не потребуете, а прямо будете читать, какъ въ открытой книгѣ, все, что ни есть на душѣ“.

Въ христіанинѣ, какимъ по убѣжденію Гоголя прежде всего долженъ быть писатель-художникъ, душа должна преобладать надъ умомъ, который необходимо довести „до безстрастнаго состоянія“. Къ сожалѣнію, это послѣднее доступно далеко не всякому.

„Довести до безстрастнаго состоянія свой умъ,—писалъ Гоголь А. О. Смирновой въ 1844 году,—можетъ только тотъ, кто самъ безстрастенъ, не чувствуетъ никогда ни гнѣва, ни неудовольствія, ни досады. Но тогда произойдетъ другое явленіе: весь умъ какъ бы исчезнетъ и останется одна душа. Въ немъ, какъ въ чистомъ, прозрачномъ и безцвѣтномъ стеклѣ, выкажется душа, со всеми своими малѣйшими отбѣнками, о чемъ бы ни касалась рѣчь и о какомъ постороннемъ предметѣ ни были толки, такъ же, какъ въ самой душѣ, станеть отражаться Богъ“.

Только съ такимъ отраженіемъ Бога въ душѣ, художникъ можетъ продвинуть свою работу съ такою силой, которой не дадутъ ему никакія познанія, никакіе труды. Близость Бога творитъ чудеса, и художникъ, не чувствующій своего общенія съ Нимъ, безсиленъ создать что-либо дѣйствительно великое.

Мысль эту Гоголь прекрасно высказываетъ въ письмѣ къ известному художнику А. А. Иванову, тру-

дившемуся тогда наль своею знаменитою картиной *Явленіе Христа міру*.

„Еще то, что есть самая жизнь, для васъ безгласно и мертво,—писалъ Гоголь,—еще на многое смотрите въ остроумными глазами, а не глазами мудреца, просвѣтленнаго разумомъ выше; еще вы не приобрѣли того, что одно могло бы двинуть работу и сообщить вамъ ту силу, до которой не достигнемъ низкими трудами и знаніями. Словомъ, вы еще далеко не христіанинъ. Вы не почувствовали близкаго къ намъ участія Бога и всю высоту родственнаго союза, въ который Онъ вступилъ съ нами“.

Въ себѣ самомъ Гоголь видѣлъ христіанина даже болѣе, чѣмъ писателя, и другихъ склонялъ къ тому же. Такъ, въ письмѣ къ матери, въ 1844 году, онъ пишетъ:

„Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человека, чѣмъ литератора“.

Въ своей литературной дѣятельности великій писатель видѣлъ только исполненіе „порученія“, возложеннаго на него Пославшимъ его на землю. Его призваніемъ было, по его глубокому убѣжденію, именно на этомъ поприщѣ, трудномъ поприщѣ писателя-пророка, послужить Россіи. Онъ страстно любилъ свою родину и стремился въ своихъ художественныхъ созданіяхъ творить исключительно изъ роднаго, русскаго, матеріала.

„Способность созданія,—писалъ онъ въ 1846 году А. О. Смирновой,—есть способность великая, если только она оживотворена благословеніемъ вышнимъ Богомъ. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло; а употребить ее, какъ слѣдуетъ, въ дѣло и въ силахъ только тогда, когда разумъ мой озарится полнымъ знаніемъ дѣла. Вотъ почему я съ такою жадностью прошу, ищущи свѣдѣній, которыхъ мнѣ почти никто не хочетъ или дѣлится доставлять. *Не будутъ живы мои образы, если я не сотворю ихъ изъ нашего матеріала, изъ нашей земли*“, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его тѣла взято. Тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человекомъ“.

„Всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность,—сѣтовалъ онъ въ письмѣ къ Шевыреву,—тогда какъ въ ней нѣтъ и тѣни сатиры и личности“.

Великаго писателя-христіанина безконечно мучило это упорное непониманіе его читателями и, приступая ко второй части *Мертвыхъ Душъ*, онъ не только самъ возносилъ горячія молитвы о томъ, чтобы Богъ придавалъ его труду необходимую силу и выразительность, но даже взывалъ съ просьбою о молитвѣ за него къ своимъ друзьямъ и особенно къ близкой его душѣ Н. Н. Шереметевой.

„Прошу васъ,—писалъ онъ ей—помолитесь о мнѣ сильно и слезно, помолитесь о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, Милосердый Отецъ нашъ, освѣженіе моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда

* Курсивъ нашъ.

V.

О желательномъ воздѣйствіи своихъ художественныхъ созданій на читателей Гоголь такъ говоритъ въ письмѣ къ отцу Матвѣю (1848 г.):

„Я думаю, что если я съ моимъ умѣніемъ изображать живо характеры, узнаю подлинно многія вещи въ Россіи и то, что дѣлается внутри ея, то я введу читателя въ большее познаніе Русскаго человека. А если я самъ, по милости Божіей, проникнусь болѣе сознаніемъ долга человека на землѣ и познаніемъ истины, то отъ этого нечувствительно и въ сочиненіи моемъ добрые русскіе характеры и свойства людей получатъ привлекательность, а нехорошіе такую непривлекательность, что читатель не возлюбитъ ихъ даже и въ себѣ самомъ, если отыщеть. Вотъ какъ я думаю, и потому узнавалъ все, что ни относится до Россіи, узнавалъ души людей и вообще душу человека, начиная со своей“.

Съ такими именно мыслями приступилъ Гоголь къ писанію *Мертвыхъ Душъ*, „этой великой поэмы, которая должна была, наконецъ, разрѣшить загадку его существованія“, какъ онъ самъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Въ то время первыя, труднѣйшія, ступени стоявшей передъ нимъ лѣстницы „воспитанія себя въ глубинѣ души для другихъ“ были имъ уже пройдены, и великій писатель могъ надѣяться, что его поймутъ.

Какъ приняла читающая Россія это великое произведеніе Гоголя, хорошо известно, но огромный, неслыханный успѣхъ *Мертвыхъ Душъ* въ публикѣ не успѣлъ отъ Гоголя тягелой для него истины, что его опять и опять не поняли.

„Всѣ принимаютъ мою книгу за сатиру и личность,—сѣтовалъ онъ въ письмѣ къ Шевыреву,—тогда какъ въ ней нѣтъ и тѣни сатиры и личности“.

Великаго писателя-христіанина безконечно мучило это упорное непониманіе его читателями и, приступая ко второй части *Мертвыхъ Душъ*, онъ не только самъ возносилъ горячія молитвы о томъ, чтобы Богъ придавалъ его труду необходимую силу и выразительность, но даже взывалъ съ просьбою о молитвѣ за него къ своимъ друзьямъ и особенно къ близкой его душѣ Н. Н. Шереметевой.

„Прошу васъ,—писалъ онъ ей—помолитесь о мнѣ сильно и слезно, помолитесь о томъ, чтобы ниспослалъ Онъ, Милосердый Отецъ нашъ, освѣженіе моимъ силамъ, которое мнѣ очень нужно для нынѣшняго труда

моего и котораго недостаетъ у меня, и святое вдохновеніе на то, чтобы совершить его такимъ образомъ, *чтобы онъ доставилъ не минутное удовольствіе нѣкоторымъ, но душевное удовольствие многимъ, и чтобы всѣхъ равно болѣе приблизилъ къ тому, къ чему мы все ежеминутно должны болѣе и болѣе приближаться, то-есть къ Нему Самому, Небесному Творцу нашему*“.*

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ—лучшее опредѣленіе характера творчества Гоголя. Онъ пишетъ не для удовольствія нѣкоторыхъ, а для того, чтобы cadaго изъ своихъ читателей приблизить къ Богу. Великая задача, стремиться къ достиженію которой можетъ только идеальнѣйшій христіанинъ и гениальнѣйшій писатель! Гоголь былъ и тѣмъ, и другимъ. Какъ христіанинъ, онъ отвергся отъ своей личности во имя высшей „сущей вѣшности“, но живущей въ нашей душѣ „Правды; какъ писатель, онъ и насъ убѣждалъ и склонялъ сдѣлать то же, твердо вѣруя, что всѣ мы въ концѣ-концовъ должны сойтись на одномъ пути.

„Всѣ мы сойдемся на одной дорогѣ—писалъ онъ, между прочимъ, Данилевскому.—Дорога эта слишкомъ полезна въ основу нашей жизни, слишкомъ широка и замѣтна для того, чтобы не попасть на нее. Въ концѣ дороги этой—Богъ“.

Итакъ, въ концѣ всѣхъ человѣческихъ стремленій—Богъ. И въ этомъ высокомъ ученіи, какъ и во вдохновенномъ призывѣ къ смиренію и покаянію близорукихъ толкователи великаго Гоголя видѣли не идеалъ художника-христіанина, одухотвореннаго безконечною жалостью и любовью къ своему ближнему, а выраженіе ханжества и какую-то рисовку предъ читателями!

Даже нѣкоторые изъ друзей заподозрили его въ неискренности и стали обвинять великаго писателя въ томъ, что онъ кичится и возносится надъ ними своимъ духовнымъ преимуществомъ. Гоголь, разумеется, горячо протестовалъ противъ этихъ нелѣпыхъ подозрѣній. Въ письмѣ къ Данилевскому онъ съ горечью задаетъ этому послѣднему вопросъ:

„Гдѣ же ты нашелъ желаніе показывать вамъ, что я слишкомъ возвысился надъ всеми вами?“ и тутъ же прибавляетъ съ тономъ упрека: „Даже смѣшно мнѣ, но еще болѣе горько“.

И дѣйствительно, что могло быть горѣе и обиднѣе для писателя, всю свою жизнь превратившаго въ одинъ

* Курсивъ нашъ.

подвигъ отреченія отъ своей личности во имя Высшей Правды, какъ слышать упреки въ гордости даже отъ тѣхъ, кого онъ имѣлъ основаніе считать своими друзьями?..

Еще мучительнѣе было для Гоголя сознаніе, что „великая поэма, которая должна была, наконецъ, разгадать загадку его существованія“, выветъ того, чтобы вызвать въ русскомъ обществѣ „покаяніе всенародное“, стала въ рукахъ враговъ Россіи орудіемъ противъ этой послѣдней.

Но и здѣсь великій писатель показалъ себя истиннымъ христіаниномъ, и здѣсь явилъ примѣръ великаго смиренія. Не другихъ, не своихъ близорукихъ толкователей винилъ онъ въ этомъ печальномъ явленіи, а себя, свое несовершенство. Онъ не былъ еще достаточно подготовленъ къ „великому поприщу“, не достигъ еще послѣднихъ ступеней той лѣстницы, съ вершины которой онъ только могъ бы заговорить такъ, чтобы его *поняли даже дѣти*. И вотъ, вмѣсто того, чтобы защищать, отстаивать свои идеалы, Гоголь выражаетъ глубокое сожалѣніе въ томъ, что онъ „послѣшилъ“ обнаруживать первую часть *Мертвыхъ Душъ*.

Но она уже издана, дѣла не поправишь. За то въ его рукахъ вторая часть поэмы, въ которую онъ вложилъ всю свою душу, весь свой писательскій гений, которую онъ цѣлыми годами вынашивалъ въ себѣ и въ которой видѣлъ осуществленіе своего призванія. Но вѣдь онъ еще „не готовъ для того, чтобы говорить“, иначе его всѣ понимали бы. И вотъ Гоголь совершаетъ неслыханный актъ: онъ сжигаетъ свое любимое дѣтище, оставаясь до конца вѣрнымъ себѣ. Такъ поступить могъ только писатель-христіанинъ, писатель, творившій не для удовольствія, а для спасенія читателей, для обращенія ихъ къ Богу...

Прошло пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Гоголя. Много о немъ за это время писалось, еще болѣе говорилось, но главная основная черта характера великаго писателя, благодаря которой онъ именно и великъ: его христіанское смиреніе, его *самораспнаніе* за грѣхи своего народа, осталась просмотрѣнною: ея не замѣчали, не хотѣли замѣчать, а въ ней-то и заключаются разгадка Гоголя. Гоголь прежде всего и главнѣе всего—христіанинъ, а затѣмъ уже писатель-художникъ, и тысячу разъ правъ былъ незабвенный Ю. Н. Говоруха-Отрокъ, рекомендовавшій на будущаго памятникъ этого подвижника мысли начертать: „художникъ-христіанинъ“.